

О ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЯХ КОНСТРУКТИВНОГО СОСТАВА ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В условиях интенсивности развития функционально-семантического направления в синтаксисе немало важным представляется выявление тех **факторов**, которые обеспечивают возможности грамматического варьирования в рамках выражения определенных типовых значений. В настоящей статье мы попытаемся осмыслить соответствующие материалы, обращаясь к выражению некоторых из таких значений в рамках конструктивного состава простого предложения, т.е. состава его членов.

Как показывают материалы, весьма существенную роль среди факторов, определяющих варьирование, имеет, с одной стороны, уровень конкретности – абстрактности, определенности – неопределенности денотативных отношений, передаваемых в том или ином звене предложения; с другой стороны – конкретность или абстрактность тех грамматических значений, которые передаются членами предложения.

Если идти от **грамматических значений**, то наибольшей степенью определенности и автосемантичности, как мы неоднократно показывали в своих работах, характеризуются собственно обстоятельственные члены предложения: обстоятельства места и времени, причины, цели, условия, уступки. Наибольшая абстрактность грамматического значения присуща компонентам предикативного центра двусоставного предложения. Значения предикативного признака (сказуемое) и его носителя (подлежащее) могут охватывать выражение бесконечного множества типов денотативных ситуаций. При этом значимость фактора широты / абстрактности грамматической семантики проявляется здесь в возможности характеризовать место, время, причину и т.д. и

даже некоторые типы объектов не с помощью специализированных второстепенных членов, а в пределах групп подлежащего и сказуемого.

Так, идентифицирующее или квалифицирующее значение предложений с предикатом-существительным позволяет в рамках предикативной основы двусоставного предложения лексически эксплицировать многие концептуальные значения, которые передаются грамматически специализированными второстепенными членами. Например: *Местом их следующей встречи стала Москва; Место действия – Петербург; Время действия – XIX век; Время отправления – 15 часов; Причина аварии – ошибка пилота; Цель поездки – осмотр нового объекта; Условие успеха – тщательная подготовка соревнований*. Аналогичным образом (в условиях книжной речи) в основе двусоставного предложения можно лексически эксплицировать характер грамматических значений ряда разновидностей дополнений: *Объектом насмешки стал брат; Темой разговора стало строительство новой школы; Материалом для памятника послужил гранит (ср. стали насмехаться над братом, разговаривали о строительстве, соорудили из гранита)*.

Неизменным условием, определяющим возможность предикативной экспликации подобных отношений, является лексическое выражение **событийного содержания** зависимыми компонентами в составе подлежащего и/или в составе сказуемого. См. выше: *место действия, причина аварии, цель поездки, объект насмешек* и т.д. (в современной лингвистике по отношению к лексике этого типа используются понятия “предикатной номинации”, “свернутой пропозиции”, “номинализации пропозиции”).

Не менее существенное значение в функционально-семантическом варьировании средств имеет уровень конкретности-абстрактности тех **денотативных отношений**, которые получают то или иное грамматическое выражение. Ниже роль этого фактора будет прослежена на средствах передачи, с одной стороны, пространственных, с другой – причинно-следственных отношений.

Конкретность и коммуникативная важность выражения пространственной семантики предопределила разветвленность специализированных **грамматических** средств в парадигме выражения обстоятельств места. В этой парадигме, с одной стороны,

наблюдается дифференциация форм передачи местонахождения (где?) и направления (куда? откуда?): *в доме — в дом — из дома*¹; *за домом — за дом — из-за дома* и под.; с другой стороны, в каждой из трех подсистем — дифференцированная передача соотношения с пространственным ориентиром: *в доме, на доме, вне дома, около дома, за домом, перед домом, над домом, под домом; в дом, на дом, к дому, за дом, под дом...*; *из дома, с дома, от дома, из-за дома, из-под дома* и т.д. Особую группу составляют формы выражения трассы движения (*по улице, через мост, лесом...*).

На фоне богатства собственно грамматических средств, обеспечивающих дифференцированность и гибкость выражения локальной семантики, возможности передачи соответствующих отношений в предикативной основе предложения оказываются достаточно ограниченными.

Немногочисленны средства лексической субстантивной концептуализации локализаторов в двусоставном предложении (см. лексемы *место, исходный пункт, конечный пункт* [движения], *старт, финиш*). При этом предикативная идентификация “места” с использованием именительного падежа существительных может осуществляться лишь при условии положения **внутри** (“в границах”) пространственного ориентира (см.: *Местом его постоянного проживания был Петербург, ср.: жил в Петербурге*).

Весьма ограниченной (преимущественно рамками официального дискурса) является и сфера редкого использования соответствующих предикативных конструкций.

Принципиально иная картина наблюдается при выражении **абстрактных причинно-следственных отношений**. Здесь (даже в пределах простого предложения, не говоря о сложном!) активно функционируют самые разные средства, семантически предполагающие отношения между двумя пропозициями.

Возможности выражения причинно-следственных отношений в двусоставном предложении, где состав подлежащего выражает причину, а состав сказуемого — следствие или наоборот, чрезвычайно широки. При этом используются предложения как имен-

¹ Ср. словообразовательные значения наречий типа *вдали — вдаль — издали; вверху — вверх — сверху* и под.

ной (см. выше), так и глагольной структуры. В каждой из этих разновидностей наблюдается обширный круг лексических экспликаторов соответствующих отношений. Большинство из них приобрело стереотипный характер, несмотря на первоначальную метафорическую природу многих соответствующих лексем. Сам факт такой стереотипности свидетельствует о широте их коммуникативного использования. Обобщая материалы имеющихся функционально-семантических исследований в этой области², попытаемся показать основной круг лексем, эксплицирующих эти отношения, сначала в именных двусоставных предложениях, затем – в глагольных.

Субстантивными экспликаторами обозначения причины являются такие лексемы, как *причина, повод, предпосылка*; метафорические по происхождению: *источник, истоки, начало, пружина, почва (для...), толчок (для...), корень (чего), путь (к...)*³. Лексические обозначения понятия “следствие”: *следствие, результат, итог*; метафорические: *порождение, плод, спутник*.

Не менее широк круг **глагольных** лексем, эксплицирующих причинно-следственные отношения в предикативной основе двусоставных предложений. Особенно многообразны среди них те, которые употребляются **при подлежащем, выражающем причину**.

Одними из наиболее употребительных являются метафорически используемые глаголы пространственного перемещения

² См. в частности: Всеволодова М.В., Яценко Т.А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М., 1988; Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Учебник. Изд-во МГУ, 2000; Лабутина В.В. Вторичная номинация в сфере обозначения причинно-следственных отношений в русском языке. АКД. Уфа, 1998.

³ Небезынтересно, что в зависимости от реальной или потенциальной модальности содержания предложения некоторые из этих лексем передают либо значение причины, либо значения условия. Ср.: *Предпосылкой успеха явились согласованные действия участников обсуждения* (одна из причин); *Предпосылкой успеха была бы / будет тщательная разработка плана операции* (необходимое условие).

объекта⁴: [*Что*] *привело к чему; довело до чего; толкает на что; влечет за собой что; вызвало что.*

Обращает на себя внимание, что глаголы эти содержат более или менее отчетливо выраженную сему “насильственного воздействия”. Соответственно, обычно они обозначают причину отрицательных последствий. С ними отчасти синонимически, отчасти антонимически коррелируют глаголы, в прямом значении имеющие семы “принудительного побуждения” (*заставило, вынудило, спровоцировало, продиктовало*) или семы “противодействия” либо “содействия”; ср. *помешало, препятствует, срывает*, с одной стороны, и *помогало, обеспечило, облегчило, стимулировало, способствовало, содействовало, поддерживает* и под. — с другой. В последнем случае это лексемы, указывающие на причину положительного события-ситуации⁵.

Относительно немногочисленны глаголы, которые на современном этапе не обнаруживают признаков метафорического происхождения. Это глаголы типа *определило, предопределило, обусловило*.

В предложениях, где подлежащее выражает **следствие**, используются либо страдательные корреляты только что приведенных глагольных лексем (*[Что] определялось, было определено, было обусловлено* → *чем*; ср. аналогичное *[Что] было обеспечено* → *чем*), либо метафорически осмысленные глаголы (*[Что] проистекает, вытекает, произрастает* → *из чего*).

Мы не затрагиваем здесь конструкций с каузативными глаголами типа *взволновало, рассердило, обрадовало, развеселило*, лексическое значение которых выражает одновременно и значение каузативного воздействия некоторой ситуации (на лицо), и его следствие/результат воздействия — определенное состояние лица. Конечно, и они показательны в плане демонстрации многих

⁴ С определенной долей условности мы даем их в личных формах среднего рода или 3 лица, как бы ориентируясь на общий смысл “что?”.

⁵ Есть и другие маркеры причинно-следственных отношений, например: *[Необходимость чего-либо] объясняется, задается, диктуется* → *чем-либо*.

и многих возможностей концентрированного, “экономного” выражения причинно-следственных отношений.

В целом возможность выражения рассматриваемых отношений грамматически неспециализированными средствами – в составе подлежащего и в составе сказуемого – определяется, с **одной стороны, факторами лексическими, с другой – широтой тех грамматических значений**, которые передаются разными моделями двусоставных предложений и, в первую очередь, – разными типами предикатов.

На лексическом уровне эта возможность обусловлена, как уже показывалось, **во-первых**, использованием лексем, маркирующих (часто – метафорически) соответствующие отношения либо в именной части предикативной основы (см. выше: *место, время, условие, причина, источник* и т.д.), либо в ее глагольной части (*предопределило, обусловило, привело к..., толкнуло на..., заставило* и под.). **Во-вторых**, эту возможность обеспечивают абстрактные существительные. Употребляясь в качестве главных или в качестве зависимых компонентов в предикативной основе, эти субстантивные лексемы служат средством “свернутого выражения”, “номинализации” пропозиций: они выражают те **ситуации/события**, которые характеризуются со стороны места (*Место его рождения – Пермь = “...где он родился”*), причинно-следственных отношений (*Халатность привела к аварии*) и т.д.

В грамматическом плане важно, что и в именных, и в глагольных конструкциях грамматические значения остаются в своей основе обычными. При использовании именных субстантивных предикатов между подлежащим и сказуемым устанавливаются отношения идентифицирующего или квалифицирующего характера. В глагольных конструкциях подлежащее, передающее причину, воспринимается как субъект – воздействующая субстанция, сказуемое констатирует факт активного воздействия, а зависимый прилагательный компонент является выразителем результата, к которому приводит это воздействие, стимулирующее движение, развитие событий. При прямом значении используемых глаголов этот результат выражается формами прямого дополнения (а); при метафорическом – разными формами, грам-

матически калькирующими словосочетания с прямым значением соответствующих глаголов (б):

а) *обусловило, определило* → *что*;

б) *вызвало* → *что* (а не “кого”, как при прямом употреблении глагола); *помогло* → *что сделать*; *привело [куда?]* → *к чему*; *толкнуло [куда?]* → *на что* и т.д.

Подлежащее, обозначающее следствие, передает грамматическое значение носителя пассивного признака и при прямом, и при переносном значении (глаголов движения) у соответствующих предикатов: *что* ← *обусловлено* → *чем*; *что* ← *вытекает [откуда?]* → *из чего*.

Фактор абстрактности значения определяет не только принципиальное многообразие возможностей выражения причинно-следственных отношений в предикативном составе предложения, но и **активность функционирования** соответствующих предикативных единиц (в отличие от констатировавшегося выше их ограниченного употребления при выражении пространственных отношений!). В условиях книжных текстов аналитического содержания эти единицы находятся отнюдь не на периферии функционально-семантического поля каузативности. Так, формулы типа *Это заявление вызвало неоднозначную реакцию / сорвало ранее достигнутые договоренности / заставило пересмотреть ранее достигнутые договоренности* в коммуникативно-стилистическом плане являются в соответствующих контекстах едва ли не самыми приемлемыми (ср.: *из-за этого заявления..., в связи с...*).

Фактор конкретности-абстрактности небезынтересно проявляется в составе и характере собственно грамматических средств выражения обстоятельственных значений. Так, конкретность осмысления пространственной “картины мира” определила два свойства соответствующей парадигмы предложно-падежных форм: 1) её разветвленность (см. об этом выше); 2) достаточно жесткую дифференцированность значений, выражаемых разными формами. Однако даже в составе этой дифференцирующей парадигмы наблюдается тенденция к нейтрализации тех противопоставлений, которые в силу свойств денотата становятся неактуальными. Общеизвестна, например, утрата семантических различий

в формах типа *на лугу / в лугах, в Белоруссии / на Украине, в деревне / на хуторе*, в которых грамматическое значение “в пределах/в границах ориентира” приобретает гораздо более широкий абстрактный смысл, чем *в доме / на доме, в шкафу / на шкафу* и под.

Более многообразны проявления нейтрализации семантических различий в употреблении как предлогов, так и падежных форм при использовании средств с первичной пространственной семантикой для выражения значения “в границах временного ориентира”. Ср. при метонимическом обозначении такого ориентира: *в обед – за обедом, на уроке – за уроком, в будущем году – на будущий год* и т.д.

При метафорическом закреплении грамматических средств пространственной парадигмы для выражения еще более абстрактных значений **причины** и **цели** нейтрализуются семантические различия и (иногда) формируются новые различия предложно-падежных форм, заимствованных из пространственных подсистем, связанных с выражением значений направления “откуда” (причина) и “куда” (цель). Ср., например:

Откуда?	<i>Из дома</i>	<i>из вежливости</i> <i>от досады</i> <i>с досады</i> <i>из-за дождя</i>	Куда?	<i>к берегу</i>	<i>(купил) к завтраку</i> <i>на завтрак</i> <i>в дорогу</i> <i>(приготовил) грядку)</i> <i>под огурцы</i>
	<i>От дома</i>			<i>на берег</i>	
	<i>с дома</i>			<i>в лес</i>	
	<i>Из-за дома</i>			<i>под дом</i>	

С нейтрализацией семантико-грамматических противопоставлений предложно-падежных форм при их (метафорическом по происхождению) использовании для выражения **абстрактных** отношений связан ряд особенностей функционирования. Одна из них – это лексическая связанность в употреблении многих этих форм. Так, ограниченными в возможности сочетаться с определенными лексемами оказываются предлоги *с* и *из*. Ср., например, возможность форм *с досады, со злости* и невозможность – **с раздражения, *с возмущения, *с негодования*. Предлог *из* специализировался для выражения “внутренней” психологической (чаще этической) причины: *из вежливости, из скромности, из чувства благодарности, из чувства протеста, из чувства самосохранения* и под. Но с любым из существительных, выражающих пси-

хическое состояние, этот предлог употребляться не может (см. лексемы типа *радость, счастье, удивление, возмущение* и т.д.).

Общая широта возможностей в выражении значения причины проявилась в формировании обширных групп **производных предлогов**, однозначно передающих это значение: *вследствие, по причине, в силу, ввиду, в связи с..., в результате, в итоге*. Небезынтересно, что многие из этих предлогов словообразовательно коррелируют с предикатами, эксплицирующими причинно-следственные отношения. Ср.: *следствие — вследствие, причина — по причине, результат — в результате, итог — в итоге, связано с... — в связи с...* Это не только одно из проявлений широты функционально-семантического поля каузальности, но и показатель связи между разными средствами выражения причинно-следственных отношений даже в составе простого предложения (известно многообразие этих средств в предложениях сложных).

В совокупности обширность грамматически специализированных и лексико-грамматических способов выражения причинно-следственной семантики, предполагающая установление отношений как минимум между двумя пропозициями, обнаруживает богатство когнитивных возможностей осмысления причинно-следственных связей.